

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П18

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложку — *okaminojikan*
Художественное оформление — *Е. Лазарева*

Пар, Даша.
П18 Восхождение богов: [роман] / Даша Пар. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Магическое равновесие).

ISBN 978-5-17-160139-3

Сбылось предсказание. Книга Сделок уничтожена, мировой порядок низвергнут в хаос. Проснулись старые боги, а вместе с ними чудовища давно забытых эпох. Не осталось препятствий, чтобы остановить надвигающуюся бурю.

Белая драконица Селеста утратила свою силу. Прондирясь сквозь страшные сны и темные видения, она ищет способ спасти своих любимых. Для этого ей предстоит заглянуть в свое сердце, чтобы открыть истину своих чувств. Тем временем королю Никлосу уготовано куда более страшное испытание, — ему предстоит напрямую столкнуться с великим богом Ктуулом. Сумеет ли он устоять перед соблазном обрести истинное могущество бессмертных?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160139-3

© Пар Д., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Сны из грузого мира

Селеста

— Свободная касса! Добрый день! Что будете заказывать? Соус положить? Хорошего вам вечера! Спасибо, и вам!

Она говорила заученными фразами, уже давно не вдумываясь в смысл слов. Как на автомате принимала заказы, улыбалась и щелкала карточкой по монитору. Закончив смену, кивнула напарнику и стащила через голову передник, выходя из кафе в жаркий, как печка, переулок. Захваченные мусорные мешки отправила в контейнер, брезгливо передавив нескольких разбежавшихся под ногами тараканов.

Сощурившись, уставилась в фиолетово-красное небо. Скоро резко похолодает, и полуденный зной будет вспоминаться как блаженство, без ассоциации с блинчиками на раскаленной сковороде.

Заплетая опять развалившуюся косу, она прислоняется к кирпичной стене и выуживает заранее припасенную газировку. Закурив, стучит кроссовкой по грязному асфальту, выпуская колечко дыма вверх. Блаженно отхлебнув из бутылки, прикрывает воспалившиеся от усталости глаза. Еще один день подходит к концу.

«Скоро вновь увижу его во снах», — мельком думает она, облизывая пересохшие губы.

— Эй, красавица, дашь прикурить? — раздается ершистый, ломающийся голосок, и девушка досадливо морщится.

— Отвали! — равнодушно цедит она, оборачиваясь.

Ей удается вовремя увернуться от мощного удара бутылкой по лицу — та проносится в считанных сантиметрах от носа и врезается в стену, разбиваясь на осколки. Мальчишка визжит — осколок впился в его голую ступню.

— Слышь, ты! Проваливай отсюда, недоносок! — заорала девушка, гася испуг.

От неожиданности изо рта выпала сигарета, что сильно раздосадовало ее. Она бросилась на нападавшего и ударила бутылкой из-под газировки, щедро окропив их обоих липким фонтаном сахара. И продолжала бить, пока он вопил, беспорядочно размахивая острым горлышком своей бутылки, пятясь назад из темного переулка. Пока не вывалился на улицу, под ноги прохожих, и уже от их воплей не бросился наутек.

— Стерва! — прокричал он напоследок, и в его глазах мелькнула такая ненависть, что девушка застыла, будто наткнувшись на бетонную стену.

Взбесившись от обиды, она склонила голову, по-особому сощурившись, и парень замер, почувяв себя мышкой перед гремучей змеей. Он стоял на проезжей части, машины объезжали его со всех сторон, раздраженно сигналив, почти задевая. Однако мальчишка не мог оторвать от нее взгляд, пока девушка не отпустила его. Вздвогнув, он обхватил виски ладонями, будто ощущая, как под кожей жужжат тысячи ос, и убежал, позабыв обо всем на свете.

— То-то же, — пробормотала она, уходя назад, пытаясь отряхнуть форму от коричневых пятен. Ее бил озноб от выброса адреналина, и она пыталась сообразить, что сейчас произошло.

Сплюнув, выудила очередную сигарету, закурила и прислонилась к остывшей стене. Вышедшего на шум сотрудника отправила обратно, радостно сообщив, что увольняется. Ей осточертели малолетние наркоманы, не в первый раз пристающие в день полочки.

— Без рабочей визы — страдай, — усмехнулся жирный, как боров, менеджер. — Форму можешь оставить себе. Но зарплату за день не получишь!

Грязно выругавшись, она показала ему средний палец, на что он шумно захлопнул дверь, так что звякнуло стекло, запирая на ключ. Не в первый раз эта сволочь так обращалась с сотрудниками. И не все спокойно терпели его выходки.

Однако девушка не стала ерепениться, зная, чем грозит вызов полиции. Устало выдохнув, она подняла с асфальта бутылку с остатками газировки и, не побрезговав, допила ее.

— Да пошло оно все! — воскликнула она, запуская бутылку в полет, осыпая и без того грязный переулок новой порцией битого стекла.

Стоило ей только замереть, чтобы собраться с мыслями, как позади раздалось негромкое покашливание, от которого волосы встали дыбом. Встретившись взглядом со знакомыми глазами, девушка опрометью бросилась из переулка.

Этот день сразу не задался, но сейчас он стал в тысячу раз хуже.

— Подожди! — замешкавшись, человек дал ей приличную фору. Так что, когда следопыт бросился вдогонку, она уже успела стремглав пересечь проспект и выбраться к другим зданием, скрываясь в очередном закоулке.

К несчастью, охотник знал, что делает. И обладал особым нюхом.

Беглянка летела, как на крыльях, сбивая мусорные баки и скользя по лужам, пока не ухватилась за пожарную лестницу, с легкостью гимнастки подтягивая тело наверх и быстро перескакивая через ступени, чтобы нырнуть в открытую дверь третьего этажа. Ее дыхание даже не сбилось, а мышцы не устали, когда она выскочила через окно, рыбкой скользнув вниз, падая на вонючие мешки. Застыв лишь на секунду, чувствуя, как по плечу растекается вонючая жижа из лопнувшего пакета, девушка вывалилась наружу и со всех ног помчалась дальше.

Запах должен запутать преследователя. Его рецепторы взвоят, когда он попытается выследить ее в запутанных улочках многомиллионного города.

Смахнув с лица жухлый листик салата, беглянка быстрым шагом прошла насквозь рыбный ресторан, стащив из утопавшей в пару кухни дольку лимона. Вернувшись на залитую вечерним солнцем улицу, она нерешительно застыла, прислушиваясь к своим ощущениям, а затем нырнула в толпу возвращавшихся с работы людей, не обращая внимания на крививших носы прохожих и шарахавшихся собак.

В ее мыслях царил хаос, и она намеревалась как можно скорее добраться до арендованного жилья, чтобы драпануть из города куда подальше.

Это был не первый ее побег.

Уйдя с широкой, заполненной машинами, залитой солнцем улицы к полузаброшенным зданиям промышленного квартала, девушка немного повеселела, сердце унялось. Так было до тех пор, пока она не свернула к бывшей фабрике, переделанной под сдачу жилья в аренду. Прямо на ступенях входной лестницы ее дождался давешний преследователь.

Застыв и взъярившись, будто дикий пес, она сжалась, готовясь рвануть обратно. Однако была остановлена примирительным жестом мужчины, тотчас подскочившего с места, как только она показалась в конце улицы.

— Подожди, Клэр! Не убегай, пожалуйста! — воскликнул он, медленно спускаясь ей навстречу.

В его жестах — покорность и смирение. Он склонил голову набок, показывая шею, и выставил опущенные вниз руки, будто успокаивая зашуганного зверя. Движения плавные, пожалуй, чересчур плавные для человека. Он будто перетекал с места на место, контролируя каждую мышцу, связку и сухожилие своего тела так, чтобы в случае чего прыгнуть с места и в два счета оказаться рядом с ней.

Настороженная, со злым прищуром золотисто-голубых глаз, девушка оставалась на месте ровно до той секунды, пока он не оказался в нескольких шагах от нее, успокоенный ее обманчивой неподвижностью. Тогда она сдавила в руках лимон и брызнула соком, точно попав в его расширившиеся глаза.

Мужчина тонко завопил, съезжившись и пытаясь унять дикую резь. На губах Клэри мелькнула злорадная ухмылка, и она развернулась, чтобы припустить во всю прыть, когда ее схватили за лодыжку и с силой потянули вниз, так что она плашмя растянулась на холодном асфальте, приложившись подбородком.

По-звериному зарывав, девушка дернула ногой, пытаясь стряхнуть железную хватку все еще воющего преследователя. Развернувшись и столкнувшись взглядом с янтарными глазами, осознала — ни за что не отпустит.

И тогда ударила свободной ногой прямо в лоб. А когда промахнулась, ударила еще и еще, ужом извиваясь в его руках. Бесчисленное количество раз ей удалось задеть его. И даже вырваться, ползя вперед, куда он приходил в себя от очередного выпада.

Наконец, она сумела встать на ноги, и даже сделала несколько шагов, когда ее остановил его усталый голос.

— Клэри, пожалуйста. Давай хоть раз поговорим. Я же твой брат, а не какой-то монстр из маминых сказок!

Девушка скрипнула зубами, звучно щелкнув челюстью. В конце улицы показалась небольшая компания, и при желании она могла воспользоваться удобным случаем, чтобы снова сбежать, однако не стала.

Уныло вздохнув, она развернулась и опустилась на колени, по-волчьи подставляя шею вожаку. Сдаваясь так, как это было принято у них на родине.

Приняв душ и сменив одежду, они разместились в ее комнате. На небольшом столике Клэри организовала пару бутербродов с ветчиной и крепкий кофе, которого всегда не хватало на их родине. Солнце давно спустилось за горизонт, с улицы веяло ледяным холодом, пришедшим со стороны океана. Однако они оставались в тонких майках — прохлада совсем не трогала брата и сестру, сидящих друг напротив друга и не знающих, что сказать после пяти лет погони и преследований.

— Ты выросла.

— Можно подумать, я была ребенком, когда отец решил выдать меня замуж, — язвительно проронила Клэри. Она старательно гасила в себе конфликт, понимая, что еще пяти лет в бегах может и не выдержать. Слишком устала от бесконечной гонки.

— Замужество с кан-альфой — не самое худшее, что может случиться в жизни.

Девушка выразительно изогнула бровь, притягивая к себе чашку и делая небольшой глоток. Брат всегда шел напролом, будучи не склонным к сантиментам. Чего еще ожидать — весь в отца.

— Лико, если ты ради этого меня искал — забудь. Возвращайся в пределы и передай кан-альфе Корнголик-ана, что его своенравная дочь не вернется по щелчку когтистых пальцев. А будешь пытаться силой забрать — у меня еще много сюрпризов припасено!

Чашка треснула в мужских руках, и даже стол жалобно закрипел под потяжелевшим альфой. Он окинул комнату выразительным взглядом, особо задержавшись на испачканной форме с логотипом вшивого фастфуда, валявшейся в углу. Здесь все кричало о бедности, и это отражалось в его глазах. Как можно променять величие Корнголик-ана на это?

Клэри усмехнулась.

— Я здесь надолго не задержусь. Всего лишь очередная берлога.

— Придушить бы тетку...

— Не она научила меня ходить волчьими тропами, — глухо прорычала сестра. — Инга показала, как можно выжить в этом мире. Только и всего.

Лико поднялся с места и подошел к окну. Отправляясь в очередной раз на поиски Клэри, он думал, что будет просто убедить ее вернуться. Что, поскитавшись по задворкам этой вонючей и перенаселенной планеты, она с радостью отправится домой. Права была мама — в характере его сестры оказалось слишком много противоречий.

— Ты же знаешь, почему отец так поспешно устроил смотрины. Почему так торопился выдать тебя замуж.

— Потому что наша драгоценная мама считает, что я такой же магнит для волков, как и она. Что будет лучше, если я выйду замуж, нарожаю деток и окажусь под защитой сильного кан-альфы, как наш отец.

— Она боится не этого, — тихо прошептал Лико, вставая спиной к девушке, чтобы она не увидела, как он аккуратно выуживает из кармана брюк маленький пакетик с белым порошком. — Скажи, тебе все еще снятся те странные сны? — нарочито медленно протянул он.

Когда сестра не ответила, он развернулся и тотчас получил по лбу стулом. Падая, он рассыпал серебристый порошок, и тот взвился вверх, окутывая обоих сверкающей завесой. Ни один не успел задержать дыхание, и оба вдохнули полную дозу.

— Сонная трава, — прошептала Клэри, чувствуя, как реальность ускользает от нее. Глядя на брата, она понимала, что он очнется раньше, а значит, когда проснется она, то будет уже на полпути домой.

— Не бывать этому, — хрипло выплюнула девушка, пробуждая в себе первородную волчью ярость.

Трава начинала действовать, путая реальность и сны, Клэри видела очертания другого мужчины в своем брате. Потянулась к нему и из последних сил шагнула вперед, будто ступая на невидимый путь. Подхватив аварийную сумку, девушка сделала еще один шаг по волчьей тропе, игнорируя крики предателя-брата и успевая увернуться от его ослабевших рук.

Путались мысли, чувства кружились, как серебристые бабочки-звездочки. Вместо знакомого — неизвестное, вместо тропы — пропасть, а за ней — звезды и сильный ветер...

* * *

На губах соль, и от страха замирает в груди: кругом все черное, опасное. Рука проваливается в пустоту, кручусь на месте вокруг своей оси, пытаюсь удержаться. Из-за слабой

качки кажется, будто падаю в бесконечную тьму. Хватаюсь за деревянный выступ, он останавливает вращение. Но тонкая поверхность под ногами слишком неустойчива, и я все-таки срываюсь вниз, все еще не ухватывая суть — где я... кто я?

От полета закладывает уши, даже крикнуть не успела — воздуха нет. Слышу свист, падаю прямо в мужские руки и вместе с их обладателем приземляюсь на мокрую палубу корабля. Зажмуриваюсь, а потом вижу его встревоженные глаза, подсвеченные слабыми лампами. О, как он смотрел на меня! Почти с отчаянием, с какой-то невыносимой тоской. Ладони сжимают талию, хватка, почти как сталь, — не вырвешься, даже и пытаться не стоит.

Мгновение стирается, уступая место сомнению.

— Селеста, что с тобой происходит? — полувоплъ-полушепот, обидный укор, и объятия слабеют, а я вырываюсь, будто сбрасывая с ноги капкан на медведя. Горько.

Чешу нос и звучно чихаю, оглядываясь по сторонам. Где бы ни побывала, то место кажется адом по сравнению с потрепанным всеми зимними ветрами кораблем, на который беспрестанно ругается кэрр Сэдов. Мы не один месяц бороздим северные воды. Кажется, что впустую, ведь куда бы ни причалили, никто не знает, что именно мы ищем, за какой край земли собираемся ступить в поисках... кого? Легенды или настоящего бога-изменника?..

— Что ты хочешь, чтобы я сказала, Арт?

Моя боль, только моя.

Как бы мы ни переплетали пальцы, как бы часто ни целовались, прижимаясь изо всех сил, одно остается неизменным — мрак, застывший холод между разбитыми душами и немой, колючий вопрос: «Что было между тобой и им?..» Муж знает: стоит задать его вслух — и я, как фурия, наброшусь на него, срываясь с цепи, проклиная на все лады, стирая то единственное, что осталось у нас. Надежду.

— Минуту назад ты лежала в нашей постели, а потом исчезла, и я лишь чудом учуял твой запах с палубы. Опоздай

я хоть на секунду — разбилась бы или улетела за борт! Сэл, твоя сила сходит с ума!

Вскочив с места, я отступила назад, мотая головой. Сотни слов были готовы сорваться в запальчивой горячке, но я промолчала. Снова. И Арт, поднимаясь следом, уловил мое молчание.

— Ты больше не разговариваешь со мной, — с несвойственной ему усталостью выговорил он, отворачиваясь и с силой проводя рукой по лицу, будто пытаешься стереть неразумные слова и вернуть хрупкое равновесие. Отойдя к бортику и уставившись в непроглядную темень, он прошептал: — Ты возводишь все больше стен между нами.

А были ли когда-то мосты? Порой кажется, что все держалось на этой призрачной нити слияния, которая оборвалась болезненным разрывом и бесконечной пустотой. И нельзя ее заполнить ни разговорами, ни горячими объятиями и нашими желаниями.

— Происходящее со мной никак не связано с ариусом. Это нечто иное.

Встав рядом, оперлась локтями о борт и посмотрела вниз, тщетно пытаюсь разглядеть водную гладь. Луна окончательно скрылась за облаками, и только свет фонарей немного разгонял тьму. Рассредоточившись по палубе, ненавязчиво дежурили матросы, а внизу в каютах спали наши друзья и соратники, утомленные бесплодными поисками.

Будучи оторванными от цивилизации, мы и понятия не имели, что происходит на берегах королевства — так далеко мы оказались. Теперь наши пути пролегли по дикому краю, где жители маленьких деревушек и дракона-то живого никогда не видели, что уж говорить об иных видах.

Мы не знаем, действительно ли проснулись боги, а если так, то что они делают? Как распространяется их влияние? Что задумал Ктуул сделать с Никлосом? После того странного сна-фантазии я больше не видела своего короля. Моими снами завладела *иная особа...*

— Я надеюсь, что соплеменники Кукулейко знают, что со мной происходит. Возможно, среди них есть шаманы такого же уровня, что и он.

— Разумеется, ведь нет ничего важнее того, что происходит с тобой, — со странной интонацией в голосе пробормотал Арт.

В полутьме был виден только силуэт мужчины. Но было очевидно, что в мыслях у него полный сумбур.

— Может, сила просто спит, как и слияние. Может, нужен какой-то толчок...

Голос сорвался, когда Арт ударил кулаком по дереву, оставив приличную вмятину. Он развернулся ко мне, нависая как громадная черная тень, и змейка страха обвила сердце, пробудив застарелые воспоминания, от которых я сжалась и побледнела. Сила ушла, а вместе с ней и уверенность в себе. Теперь я беззащитнее котенка, возомнившего себя саблезубым тигром, что обитает в тех местах, куда мы направлялись.

— Слияния нет, потому что ты этого больше не хочешь. Иногда кажется, что ты жалеешь, что оно вообще было. Что наша связь — лишь досадная преграда для ваших с Ником отношений. У вас бы все сложилось, не будь меня рядом!

Моя рука была остановлена в миллиметре от его щеки, но я все равно ударила. Коленом прямо между ног, невольно повторяя за своей прародительницей. Я ощутила ее свободный гнев в своих венах, и он же придал твердости голосу:

— Даже не смей так низко думать обо мне! Как ты вообще мог такое сказать?! Я стала твоей женой по доброй воле и с открытым сердцем! Все это время тянулась к тебе изо всех сил, боролась за нас, делала все, что могла! Все говорили, что я должна стать женой короля, тем самым спасая мир! «Не убегай, Селеста!» Вот мое предсказание, но я все равно сбежала! К тебе! — звонкий голос вспорол тьму и разнес обиду над кораблем и за его пределами.

Пока муж тихо шипел, пытаюсь отойти от моего удара, я толкнула его в грудь, вынуждая отступить, пока он не упер-

ся в мачту корабля. И даже тогда не остановилась, встав вплотную и заставляя выпрямиться.

— Ты же хочешь спросить, не трахалась ли я с Ником, пока была его невестой? Я вижу этот вопрос каждое проклятое утро! Морвиус тебя подери, Арт, и это ты обвиняешь меня в том, что я больше не хочу тебя?

Повинуясь импульсу, я залезла к нему в штаны и сжала его пах, отчего он неподвижно замер. А потом встала на цыпочки и потянулась к его губам, впиваясь жарким поцелуем, пытаюсь вспомнить, каково это — целовать его. До падения, в то теплое лето, когда казалось, что кроме нас, на этом свете больше никого нет.

Его руки остались безвольно висеть вдоль тела, а член даже не пошевелился. Думаю, если бы я оголилась перед ним и станцевала самый непристойный танец пустынных демониц, он бы не откликнулся на мой зов.

— Вот и ответ, — прошептала я, в последний раз ощущая мягкость его губ и вдыхая запах родного тела. — Все сторело к чертям.

— Что такое «чертям»? — невпопад спросил муж, но я не успела ответить.

Раздался сигнал тревоги, вспыхнули огни, ярко освещающая затененную палубу. И, как муравьи из муравейника, наверх повылезали матросы, а следом за ними — Сёдов и Деян. Вновь затрубили в рог, и Арт оттолкнул меня, убирая с пути.

— Уходи в каюту! — приказал он, даже не глядя в мою сторону, пока я пыталась увидеть опасность, замеченную дозорным.

После возрождения богов и угасшего дара Агондария моря перестали быть безопасным местом. Чудища лишились контроля и теперь нападали на все суда, особо свирепствуя в диких северных водах.

Дозорный запустил сигнальный огонь, красной кометой пролетевший над кораблем в сторону, откуда двигались монстры, подсвечивая блестящие спины в черной глади.

Десятки тварей лезли к бортам, кривя стозубые пасти. От их заунывного воя кровь стыла в жилах.

Нас ждала настоящая мясорубка.

* * *

Эта стычка отличалась от прежних. Свирепая, яростная, будто хищники заимели единое нутро, жаждущее исторгнуть непрошенных гостей из северных вод. В атаке не было ничего примитивного. Любопытство, с которым прежде спруты пробовали на вкус бочкообразные бока корабля, сменилось стремлением его перекусить, сжевать и сжать с такой силой, чтобы грот-мачта жалобно закричала в объятиях гигантских щупалец. А от тарана невообразимо-огромной акулы-молота матросы на корабле падали, сбивая снасти и опрокидывая бочки.

— Руби их! Все как один! — кричал сориентировавшийся Сёдов, и люди бросились с мечами и топорами к самому мощному отростку у рулевой палубы. — Не дайте ему уничтожить руль!

Во все стороны брызнула мутная до черноты жижа, и над водой пронесся яростный, полный боли вой. Вскипело море, на поверхность поднялись летающие рыбы. Они бросались вверх, перелетая за борт, и всей массой опрокидывались на палубу, разевая полные острых зубов пасти. Двигаясь, как ужи, юркие твари атаковали матросов, целясь им в икры.

Бойня принесла запах крови и тухлой рыбы. Несколько драконов успели обернуться и теперь поливали океан огненными залпами, вынуждая спрутов помельче отпрянуть от бортов, пока их главный собрат доламывал мачту, другими щупальцами отбиваясь от острых лезвий, впивающихся в его грубую шкуру.

Я услышала крик помощника Сёдова, Гори — ему откусили ногу, и теперь он лежа отбивался от двухметровой рыбины, нацелившейся на все остальное. Даже в мелькающем свете фонарей видно было, как бешено вращаются ее глаза, полные безумия и жажды уничтожения.

Будучи в шаге от спуска вниз, я застыла истуканом, а потом бросилась к нему, на ходу разрывая подол платья. Под руку попался кем-то оброненный кухонный тесак. Прихватив его, я атаковала тварь сзади, ударив в верх туловища. От ее жалобного визга заложило уши, но я смогла оттолкнуть от раненого и добить ударом в глаза. На руки брызнула зеленая кровь, источающая вонь стухших водорослей. Упав на колени, я подползла к Гори и, не слушая его отрывистую речь, выхватила меч из ослабевших рук и рубанула по остатку ноги, чтобы срез был ровным. Я действовала инстинктивно, накладывая слабый жгут и оборачивая обрубок полосой ткани.

Матрос потерял сознание, и я могла только молиться, чтобы он пережил эту ночь, вмиг ставшую яркой, как день. Обернувшись, я увидела троих колдунов, стоявших на корме вокруг очерченного круга, из их рук в небо бил ослепительный столб света. Томар Бай едва держался на ногах, а его дочь почернела от напряжения, прикусив губу до мяса. Корабельный колдун Кордон нараспев читал заклинание, и хоть они были далеко от меня, но незнакомые слова звучали будто отовсюду и так гулко, что пробирало до костей. Хотелось забраться в норку и сжаться, превращаясь в тень.

Их давление на тварей было так велико, что рыбины прижимались к полу, извиваясь, шипя и повизгивая. Только спрут не поддался магии. Он взревел, все больше и больше выбираясь из воды, переползая на корабль, креня его вправо. Колдуны потеряли концентрацию, а вместе с ней и равновесие, их швырнуло набок, и они покатались к борту — прямо к прыгнувшей навстречу белой акуле.

— Нет! — закричала я изо всех сил, срываясь с места. И, балансируя на самой грани, устремилась к ним, пока остальные пытались хоть за что-то уцепиться и не вывалиться в бурлящую хищными пастями воду. Не всем это удалось.

— Амалия! — воскликнул Томар, когда его дочь оказалась в зубах акулы. Отец попытался сотворить что-то черное, безжалостно вытягивая остатки сил из потерявшего

сознание Кордона, и не успел. Тварь сомкнула пасть ровно в тот момент, когда я ударила ее в бок, а судно ухнуло обратно — драконы спалили спрута, воспламенив вместе с ним и корабль.

Я упала, больно приложившись боком о подвернувшийся моток цепей, и задела рыболовный крюк, вспоровший мне плечо. А пока пыталась высвободиться, Томар сиганул через борт и скрылся в темноте вслед за ушедшей акулой.

Зашипев от разрывающей боли, я дернула крюк, с мясом вырывая из кожи, а потом устремила к оставшемуся колдуну. Из-за качки его несколько раз перевернуло, и теперь он лежал посреди разбитой палубы, раскинув руки в стороны.

Кордон был мертв. Я поняла это сразу, как только оказалась рядом. По белой рубашке расплозлось красное пятно. Он напоролся грудью на торчавшую деревяшку — остатки бизань-мачты. Возможно, он бы выжил, но Томар, в отчаянной попытке спасти дочь, не оставил ему шанса, вытянув все силы.

Обернувшись, увидела, как уцелевшие матросы во главе с Сёдовым добивают ползучих рыбин и невесть как оказавшуюся на палубе тигровую акулу. Несколько человек уже вовсю тушили рулевую палубу, а в небе над нами кружили три дракона. По цвету крыльев я опознала двоих — Деяна и Арта. Дав себе секунду, перевела дух и направилась к пострадавшим матросам. Без колдунов, вдвоем с корабельным доктором, мы провозимся до рассвета.